

Константин Бальмонт

Русский язык
(Воля как основа творчества)

Бальмонт К. Д. Стозвучные песни: Сочинения (избранные стихи и проза). - Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnl@lib.ru

Из всех слов могучего и первородного русского языка, полногласного, кроткого и грозного, бросающего звуки взрывным водопадом, журчащего неуловимым ручейком, исполненного говоров дремучего леса, шуршащего степными ковылями, поющего ветром, что носится и мечется и уманивает сердце далеко за степь, пересветно сияющего серебряными разливами полноводных рек, втекающих в синее море, - из всех несосчитанных самоцветов этой неисчерпаемой сокровищницы, языка живого, сотворенного и, однако же, без устали творящего, больше всего я люблю слово - воля. Так было в детстве, так и теперь. Это слово - самое дорогое и всеобъемлющее.

Уже один его внешний вид пленителен. Веющее в, долгое, как зов далекого хора, о, ласкающее л, в мягкости твердое утверждающее я. А смысл этого слова - двойной, как сокровища в старинном ларце, в котором два дна. Воля есть воля-хотение, и воля есть воля-свобода. В таком ларце легко устраняется разделяющая преграда двойного дна, и сокровища соединяются, взаимно обогащаясь переливаниями цветов. Один смысл слова воля, в самом простом, изначальном словоупотреблении, светит другому смыслу, в меру отягощает содержательностью и значительностью его живую существенность. <...> Говоря - воля, русская речь вполне отдает себе отчет, что и воля-свобода и воля-хотение два талисмана, беспрдельно желанные, но неизбежно нуждающиеся в точно определенных пределах, - будь то строгий устав правильно обоснованной жизни или же великий искус и подвиг личного внутреннего самоограничения. И русская няня ласково скажет детям: "Ишь расшалились. Вольница. Спать пора". А русский народ, кроме того, звал вольницей всех уходивших к волжскому раздолью от московской тесноты. И зовет вольницей разгулявшихся весельчаков. И зовет вольницей разбойников. А ярославец, сказавши - вольный, понимает - леший. Что же касается этого изумрудного самодура лесов, любящего кружить прямолинейных людей, о нем существует народное слово, являющееся обворожительным и красноречивым противоречием: "Леший нем, но голосист".

Художественное противоречие, восхищающее вкус верный и изысканный, вовсе не есть противоречие, но особенный путь души достигать красоты. Когда ребенок, захваченный глубоким чувством, лепечет своей матери: "Я люблю тебя больше всех на свете", а отец, услышав его лепет, спросит: "А меня?" - ребенок, не колеблясь, ответит: "И тебя больше всех на свете". Эти божески-верные слова покажутся противоречием лишь тому, кто тусклыми своими глазами не умеет читать слова человеческие и божеские. Пока мы говорим и рассуждаем о воле, вокруг этого слова ткется мгла жути. Но марево исчезает сразу, когда смелый скажет: "Волей свершаются подвиги", когда мудрец скажет: "Мир как воля", когда няня скажет ребенку: "Солнышко светит. Пойдем-ка на волю!", когда ребенок, радуясь весне и проникаясь мудростью, наклонной к щедрости, выпустит из клетки на волю своего любимого щегленка, а позднее, сознав эту великую радость освобождения, роднящую ребенка с великим итальянцем, обнявшим все стихии мира, будет читать с восторгом в детской книжке западающие навсегда в память стихи:

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей:
Я рощам возвратил певичу,
Я возвратил свободу ей.
Она исчезла, утопая
В сиянье голубого дня,
И так запела, улетаая,
Как бы молилась на меня.
/Туманский/

Улетела в небо или в лес. Туда, где правит леший, а леший нем, но голосист. Немота, которая имеет голос, молчание - говорящее, безмолвие -